

Мой путь в поэзию

Своё призвание – писать, посвятить себя «во взрослой жизни» литературному труду – я почувствовал очень рано, ещё в школьные годы. Однако реализовать это своё призвание в действительной жизни оказалось значительно сложнее, чем просто с затаённым восторгом его в себе чувствовать.

Конечно, и стихи я начал писать рано, в классе седьмом. И они неплохо у меня получались для столь юного возраста. Посещал я и кружок поэзии во дворце пионеров... Но всё это было так себе, по большому счёту – детские увлечения и игры.

А когда я, наконец, осознал в 17–18 лет, что настоящие стихи должны не сводиться к красивому рифмоплётству, а иметь своё лицо, что у поэта должен быть свой поэтический голос и свой авторский почерк в творчестве, то создать такую поэзию у меня решительно не получалось.

Выходило «под Блока», «под Есенина», то «под Маяковского», а что-то действительно своё – интонация, образная система, ритмический строй – так и не находилось, сколько я над этим не «корпел».

И пришлось про стихи на какое-то время забыть. И это оказалось на самом деле самое лучшее, что я мог тогда придумать, перестать давить на себя самого, перестать мучить себя бесплодными попытками настоящего творчества...

Поэзия должна рождаться сама собой, как Венера из пены морской.

Так со мной и случилось года через два или три. Я даже помню до сих пор эти первые свои удачные стихи.

К тому времени я уже писал и статьи, и очерки, в частности, о первых русских славянофилах, Алексее Хомякове, Иване

Киреевском, братьях Константине и Иване Аксаковых... Они выходили интересными. Тема была выигрышной, почти незнакомой тогдашнему советскому литературоведению.

А тут ещё и стихи, возможность творчества на «ниве поэзии».

И я, конечно, в созидание стихов погрузился с увлечением.

Близилось окончание Университета. И стихов, и уже опубликованных в научных изданиях статей накопилось немало. И я решил дерзнуть: показать своё творчество уважаемым людям в мире культуры, настоящим знатокам и ценителям большой русской литературы.

И написал два письма, одно письмо академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву и другое письмо Лидии Яковлевне Гинзбург, перед личностью и творчеством которой я тоже преклонялся.

Лидия Яковлевна Гинзбург всё-таки менее известна ныне, чем Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Поэтому напомним, что она – близкая знакомая Ахматовой, Шкловского, Эйхенбаума, яркая представительница ленинградской литературной молодёжи 1920-х годов, генетически связанной ещё со старой, дореволюционной петербургской культурой, впоследствии яркий исследователь классики нашей литературы, автор многих замечательных книг, в том числе и книг очерков и воспоминаний.

И в обоих случаях я получил отклики на свои письма от уважаемых адресатов и приглашение явиться к ним для обстоятельной беседы в домашней обстановке.

Сначала я отправился на квартиру к Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Он жил в моём же районе Ленинграда, на 2-ом Муринском проспекте. Довелось просто прогуляться до дома Дмитрия Сергеевича пешком. Конечно, яркие впечатления остались от этой встречи. Уже тогда в 1970-е годы Дмитрий

Сергеевич был знаменит... И я вполне отдавал себе отчёт в том, кто меня принимает – один из светочей нашей культуры в полном смысле этого слова.

Дмитрий Сергеевич меня расхвалил. Его отзывы меня открыли безусловно. Он прямо сказал, что, по его мнению, я «человек необыкновенный», что у меня «большой литературный талант» и «большое будущее в литературе». Собственно, я мог бы тут и возгордиться.

И я даже попытался было возгордиться, но тут же понял, что у меня это плохо и необоснованно всё-таки выходит, оставалась неопределённость: ну есть литературный талант, даже большой, допустим, талант... А в чём именно он заключается и как именно его реализовать? Ни мои стихи, ни мои тогдашние статьи шедеврами ещё отнюдь не являлись...

И вот в таком и гордом, и озадаченном одновременно состоянии я отправился к Лидии Яковлевне Гинзбург.

Лидия Яковлевна тоже жила совсем недалеко, на том же зелёном, заросшем огромными старыми деревьями разных пород 2-ом Муринском проспекте, в совершенно заставленной книгами однокомнатной квартире.

Она тогда уже была совсем старушкой – сухонькой, небольшого роста интеллигентной старушкой. И вот её отзыв сыграл в моём будущем поэтическом творчестве огромную роль.

Статьи мои о славянофилах Лидия Яковлевна очень похвалила – действительно, была раскрыта в этих статьях новая и смелая по тому времени тема (в советскую эпоху изучение творчества помещиков-славянофилов, рьяных сторонников Православия и приверженцев особого пути развития России совсем не поощрялось), статьи были написаны живо и ярко, в них были интересные наблюдения и мысли. Это Лидия Яковлевна и отметила.

А вот о стихах она отозвалась так: «Знаете, Серёжа, я столько стихов читала и слышала на своём веку... Самых разных

стихов, в том числе очень хороших и просто замечательных стихов. Может, у меня уже к старости притупилось восприятие поэзии, перечитала стихи сверх меры и переслушала сверх всякой меры стихи за свою жизнь... Но знаете – у вас безусловно, очень хорошие стихи. И я таких очень хороших стихов тоже уже наслушалась в своей жизни. А вот чего-то ошеломляющего, нового, необычного, что бы встрепенуться душу заставило... Этого я в ваших стихах не увидела. Просто обычные очень хорошие стихи. И всё. Может, стара уже я стала совсем. Извините, Серёжа».

И я сразу понял, признаюсь, что Лидия Яковлевна совершенно права! С сожалением осознал я это, но очень отчётливо, действительно, я писал тогда просто очень хорошие стихи, такие, каких много бывает на свете.

Это не Поэзия с большой буквы.

Заниматься просто каким-то сочинительством, более или менее удачным, мне не хотелось. И поэзию я надолго забросил... Почти на десять лет.

Погрузился в историю русской общественной мысли и литературы, защитил, как историк, кандидатскую диссертацию о первых русских славянофилах в 1982 году. А со следующего года стал работать научным сотрудником Пушкинского Дома (Института Русской Литературы Российской Академии Наук), написал свою первую книгу – о любимом своём тогда поэте и литературном критике Аполлоне Григорьеве.

О поэзии же вроде бы забыл. Но забыл с сожалением, я же всё-таки чувствовал в себе с детства какую-то поэтическую энергию, энергию и слова и чувства, энергию образного видения мира... Почему же я её не могу ярко и по своему выразить в поэзии?

И однажды на отдыхе в Литве задумался о верлибре – вот почему в нашей поэзии он так в целом и не утвердился, а в

современной англоязычной и вообще европейской поэзии давно преобладает... Да и японская поэзия легко обходится без рифмы.

И я попробовал сделать несколько пейзажных зарисовок без рифмы. Показалось – удачно вышло, интересно. И как-то это соответствовало обстановке вокруг – летняя Литва, в пределах тогдашнего СССР почти Запад. Потом я, вроде бы, и забыл об этих своих опытах...

Но однажды, уже в Ленинграде, захотелось поиграть вечером с поэтическим словом и одновременно – в лабиринте философских ассоциаций и смыслов... И просто сами собой родились вот эти строки:

*...лестница сбегала
как скромная белолицая девочка
в густой бормочущий с ветром сад
за которым –
это было отчётливо видно издали –
мускулистый человек
по пояс свешиваясь из окна чёрной башни
придерживал увесистую стрелку времени
на обнажённом циферблате городских часов.*

Я сразу почувствовал, что это необычно и здорово. И ни на кого в русской поэзии не похоже. Так в поэзии я, наконец, нашёл себя. Это был 1986 год. И мне тогда было уже почти тридцать лет.

Во всей этой истории важно вот что: чтобы найти себя в настоящей поэзии или прозе и сказать в них действительно новое слово, быть в творчестве самим собой и писать при этом действительно ярко, надо не только иметь талант и определённый уровень литературной культуры и общей культуры и, тем более, надо не просто владеть художественным словом на должном высоком уровне....

Нужно прежде всего полностью раскрепоститься, ощутить полную внутреннюю свободу... И тогда эта внутренняя свобода, полная и ошеломляющая, головокружительная и рискованная даже, сама собой перельётся в творчество, оплодотворит ваше творчество и сделает его действительно ярким и необычным.

Тогда и скажут знатоки и многие окружающие вас ценители литературы – это новое слово в нашей литературе.

И ваши литературные мечты сбудутся почти как в сказке. Может быть, даже в одночасье.

Только – если у вас есть талант.

А талант – это не жажда славы и признания. Это ощущение в себе некой энергии образного видения мира, этой энергии трудно дать определение. Но она, безусловно, сродни божественной энергии или тому, как мы божественную энергию себе представляем и что мы о ней знаем.

Это – энергия демиурга, творящего новые миры. Пусть только в художественном слове.

Может быть, такое определение и есть самое точное и ёмкое определение настоящего литературного дарования.

Остальное же всё – приложится.

Тут многое зависит, конечно, от страны и от эпохи, когда живёт художник слова. Но он в состоянии найти свой путь, если он художник от Бога, в любую эпоху. Хотя со временем, в котором художник живёт, ему порой приходится и бороться.

«Художник и его время», «Художник слова и читатель» – это уже другие большие темы. И о них можно будет рассказать в следующих очерках. Сейчас же я попытался правдиво рассказать о том, как довелось мне «открыть себя» в литературе и в поэзии в первую очередь.

И это было отнюдь не так просто.